

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 5—12.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 5—12.

Научная статья

УДК 821.161.1.09+82.01

DOI: 10.46726/И.2024.2.1

ОТЗВУК ЛОПНУВШЕЙ СТРУНЫ ИЗ ЧЕХОВСКОГО «ВИШНЁВОГО САДА» В «СКАЗКЕ О НЕСЧАСТНЫХ СКАЗОЧНЫХ ПЕРСОНАЖАХ» ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Юрий Викторович Доманский

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва,

Россия, domanskii@yandex.ru

Аннотация. В статье соотносятся содержащий ремарку с указанием на звук лопнувшей струны эпизод из второго действия комедии А.П. Чехова «Вишнёвый сад» и фрагмент из песни В.С. Высоцкого «Сказка о несчастных сказочных персонажах». Основанием для соотнесения становятся упоминания птиц: у Чехова это цапля и филин, у Высоцкого – выпь и тоже филин. В «Вишнёвом саде» персонажи в точно обозначенном в ремарке звуке лопнувшей струны услышали совершенно другие звуки, среди источников которых оказались упомянуты как раз цапля и филин. В песне Высоцкого звуки, издаваемые то ли выпью, то ли филином, оказались не то причиной того, что у Ивана-дурака на душе стало тоскливо, не то знаком этого состояния. Сходство двух эпизодов из двух произведений, таким образом, оказалось обусловлено не только указанием на одинаковые названия птиц (выпь — это разновидность цапли), но и сходство состояния персонажей в их реакции на эти звуки. В числе прочего рассматривается заглавный для песни Высоцкого мотив несчастья в проекции на упоминание несчастья Фирсом в эпизоде с лопнувшей струной у Чехова. В результате показывается, что соотнесение двух эпизодов способствовало смысловому взаимообогащению двух текстов: в пародийно-ироничной песне Высоцкого актуализировалось драматическое настроение, а в пьесе Чехова актуализировался комический план, загадочно заявленный жанровым подзаголовком.

Ключевые слова: «Вишнёвый сад», А.П. Чехов, «Сказка о несчастных сказочных персонажах», В.С. Высоцкий, звук лопнувшей струны

Для цитирования: Доманский Ю.В. Отзвук лопнувшей струны из чеховского «Вишнёвого сада» в «Сказке о несчастных сказочных персонажах» Владимира Высоцкого // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 5—12.

О звуке лопнувшей струны из «Вишнёвого сада» А.П. Чехова написано исследователями чеховской поэтики довольно много; более того, звук этот стал даже своего рода квинтэссенцией последней чеховской пьесы. Укажем в этой связи, например, на то, что сборник, приуроченный к столетию «Вишнёвого сада», был назван «Звук лопнувшей струны» [Чеховиана], а спустя год после его выхода вышел сборник, все статьи в котором были посвящены собственно этому звуку [Звук лопнувшей струны]. Весьма интересно специалисты-чеховеды пишут и о том, как звук лопнувшей струны отозвался в последующей культуре [Кузичева; Бушканец].

Наша задача — обратить внимание на то, как знаменитый чеховский эпизод отозвался в одном из сегментов «Сказки о несчастных сказочных персонажах» Владимира Высоцкого (1967, ещё одно название, известное по автометапаратекстам, произносимым на концертах перед этой песней, — «Сказка о несчастных лесных жителях»). Данная песня представляет собой изложение истории, участниками которой являются персонажи русских сказок: Кощей Бессмертный, пленённая им царица, чудище «с семью главами о пятнадцати глазах», добрый молодец Иван (он же — Иван-дурак), бабы-яги (они же ведьмочки) — каждый из них по-своему несчастен, что и актуализировано в вариантах названия песни, и подчёркивается не раз по её ходу. Согласно событийному ряду, Ивану, как и положено в сказках, предстоит освободить царицу из кощева плена. Однако это не единственный поступок героя, о котором упоминается в песне: и до прихода к Кощею Иван совершал свои «подвиги напрасные», коим предшествовало состояние душевной тоски, которое, в свою очередь, было спровоцировано не точно атрибутируемыми звуками, исходящими от птиц:

То ли выпь захохотала,
То ли филин заикал, —
На душе тоскливо стало
У Ивана-дурака. [Высоцкий: 190]

Возникающие в этой строфе выпь и филин и натолкнули нас на возможность соотнесения «Сказки...» Высоцкого с тем эпизодом из «Вишнёвого сада», где возникает звук лопнувшей струны. Звук этот, напомним, появляется в комедии дважды — во втором действии и в финале; нас интересует именно второе действие, в котором две реакции персонажей на этот звук засценья связаны как раз с птичьим миром:

Гаев. А может быть, птица какая-нибудь... вроде цапли.

Т р о ф и м о в. Или филин... [Чехов: 224]

Для полноты картины приведём весь эпизод со звуком лопнувшей струны из чеховской пьесы:

Л о п а х и н. Знаете, я встаю в пятом часу утра, работаю с утра до вечера, ну, у меня постоянно деньги свои и чужие, и я вижу, какие кругом люди. Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей. Иной раз, когда не спится, я думаю: господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...

Л ю б о в ь А н д р е в н а. Вам понадобились великаны... Они только в сказках хороши, а так они пугают.

В глубине сцены проходит Е п и х о д о в и играет на гитаре.

(Задумчиво.) Епиходов идет...

А н я (задумчиво). Епиходов идет...

Г а е в. Солнце село, господа.

Т р о ф и м о в. Да.

Г а е в (*негромко, как бы декламируя*). О природа, дивная, ты блещешь вечным сиянием, прекрасная и равнодушная, ты, которую мы называем матерью, сочетаешь в себе бытие и смерть, ты живишь и разрушаешь...

В а р я (*умоляюще*). Дядечка!

А н я. Дядя, ты опять!

Т р о ф и м о в. Вы лучше жёлтого в середину дуэлетом.

Г а е в. Я молчу, молчу.

Все сидят, задумались. Тишина. Слышно только, как тихо бормочет Фирс.

Вдруг раздаётся отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный.

Л ю б о в ь А н д р е в н а. Это что?

Л о п а х и н. Не знаю. Где-нибудь далеко в шахтах сорвалась бадья. Но где-нибудь очень далеко.

Г а е в. А может быть, птица какая-нибудь... вроде цапли.

Т р о ф и м о в. Или филин...

Л ю б о в ь А н д р е в н а (*вздрагивает*). Неприятно почему-то.

Пауза.

Ф и р с. Перед несчастьем тоже было: и сова кричала, и самовар гудел бесперечь.

Г а е в. Перед каким несчастьем?

Ф и р с. Перед волей.

Пауза. [Чехов: 224]

Трактовки самого звука лопнувшей струны исследователями и театральными практиками находятся в довольно-таки широком спектре значений: тут видят, например, символ, который «означает... тревожное и горестное предчувствие скорого разрушения и конца привычного мира» [Пенькова: 116]. Звук лопнувшей струны характеризуют как звук, имеющий «атмосферное происхождение» [Гончарова: 14]. «“Звук лопнувшей струны”, возникающий извне по отношению к персонажам, является своеобразным голосом мира, которому персонажи дают различные, но в равной степени несостоятельные объяснения <...>. Благодаря тому, что в словесном обозначении этого звука фигурирует “струна”, устанавливается имплицитная семантическая связь с оркестром, игру которого слышат персонажи» [Панамарева: 65]. Наконец, «Тайна звука лопнувшей струны заключается именно в том, что невозможно определить его значение. Во 2-м действии Чехов через разную реакцию персонажей показывает, что этот звук интерпретируется с разных точек зрения в связи с разными эмоциональными состояниями персонажей. <...> Здесь “звук лопнувшей струны” работает как некий смысловой генератор. Возникающая при этом многосмысленность — одна из функций этого генератора» [Пак Хён Сон: 281]. А вот в фильме Сергея Овчарова «Сад» (2008) происхождение звука лопнувшей струны во втором действии оказывается оправдано реальностью — и физической, и реальностью текста: Епиходов, незадолго до знаменитой ремарки проходивший мимо (напомним: «В глубине сцены проходит Е п и х о д о в и играет на гитаре»), и «становится причиной загадочного звука “лопнувшей струны”, который всех пугает и символически выражает конец старого мира: незадачливый Епиходов рвёт струну на гитаре»

[Кондратьева: 148]¹. И действительно, «звук "лопнувшей струны" в пьесе "Вишнёвый сад" есть не что иное, как звук лопнувшей струны. ... Но, одновременно, он есть и нечто большее. <...> И фикциональное, и фактуальное начало подчинено началу миромоделирующему, которое и оформляется как художественный концепт <...>, подчиняющийся задачам миромоделирования "локальные", частные концепты художественной картины мира. "Звук лопнувшей струны" у Чехова поэтому издаёт не "птица какая-нибудь ... вроде цапли ... или филина"; и это не "в шахтах сорвалась бадья", не некий "частный" звук, как полагают персонажи пьесы. Этот звук относится к состоянию мира, в котором живут герои Чехова. Но не "обозначает" его» [Виноградова: 8].

Таким образом, при всей интерпретационной сложности звука лопнувшей струны во втором действии чеховской пьесы (не касаемся этого звука в финале комедии) всё же следует признать, что ремарка, транслирующая этот звук, содержит в себе весьма точное указание на его сущность — это именно *звук лопнувшей струны*, а не звук, *напоминающий* звук лопнувшей струны, или звук, *похожий* на звук лопнувшей струны. Между тем никто из высказавшихся по этому поводу персонажей Чехова не опознал этот предельно точно названный в ремарке звук: Раневская не поняла его происхождения; Лопахин, желая успокоить Любовь Андреевну, ещё более усугубил её состояние, предложив версию с сорвавшейся в шахте бадьёй; Гаев предположил, что услышанный звук издала цапля (точнее — какая-то птица вроде цапли); Трофимов — что филин; итог же всему подвёл Фирс, сведя всю дискуссию к предсказанию несчастья. Но никто не сказал, казалось бы, очевидное: лопнула струна. Состояние же всех, а не только своё личное, словесно транслировала Любовь Андреевна:

Лю б о в ь А н д р е е в н а (*вздрагивает*). Неприятно почему-то.

Что может быть неприятного в звуке лопнувшей струны? Возможно, его характеристики, переданные в ремарке, сделали его неприятным и в плане происхождения таинственным: *точно с неба, замирающий, печальный*; добавим сюда переданную через слово «вдруг» неожиданность его вторжения в воцарившуюся тишину. В таком антураже даже самый обычный звук, каковым в общем-то и является звук лопнувшей струны, может быть и не узнан, и ошибочно опознан, и понят едва ли не мистически. И звук этот Гаев и Трофимов опознали, напомним, как крики птиц — цапли и филина.

Похожая ситуация и в песне Высоцкого: «То ли выпь захохотала, // То ли филин заикал» (если кого-то смущает постановка в один ряд чеховской цапли и выпи Высоцкого, то заметим, что выпь — птица семейства цаплевых, а согласно Гаеву — напомним ещё раз — «птица какая-нибудь... вроде цапли»). И схожесть тут не только в номинациях птиц, но в большей степени в неуверенности тех, кто слышит эти звуки (у Высоцкого это именно Иван), в возможности точно атрибутировать их источник: разные и в равной степени неточные по интенции версии чеховских персонажей (бадья в шахте, цапля, филин) и две равнозначные версии Ивана: *то ли выпь, то ли филин*; и если

¹ В.В. Кондратьева предлагает крайне глубокую трактовку Епиходова в фильме «Сад»: «На протяжении всего фильма Епиходов неоднократно цитирует Ницше: "Я – антихристианин". Эта реплика проходит рефреном через весь фильм, но на неё герои не обращают внимание. Режиссёр утрирует в герое разрушительное начало. И таким образом Овчаров усиливает парадокс, который состоит в том, что человека с прозвищем "22 несчастья" Лопахин просит следить за порядком. Епиходов-антихристианин остаётся в усадьбе, где рубят сад» [Кондратьева: 148].

атрибутировать крики птиц человеку несведущему довольно сложно, то всё же хохот и икоту различить можно. Хотя, конечно, оба слова, характеризующие звуки, издаваемые птицами в песне Высоцкого, являются по сути своей словами звукоподражательными: и захохотала, и заикал лишь фонетически передают те процессы, которые обозначают в данном орнитологическом контексте, ведь выпь не хохочет, а филин не икает, просто издаваемые этими птицами звуки сходны с человеческими хохотом и икотой; человек же (Иван-дурак в данном случае) приписывает услышанному человеческую природу лишь по принципу похожести, а никак не тождества; тем самым человек отнюдь не очеловечивает птиц, а всего лишь пытается описать услышанное в более близкой ему парадигме его собственных звуков. Птица у Высоцкого (какая-то одна из двух) издала звук, похожий на человеческий; лопнувшая струна у Чехова оказалась для некоторых персонажей похожа на крик птицы.

Между тем сходство ситуаций из двух произведений не только в названиях птиц; сопоставление можно расширить за пределы самих орнитологических звуков в сторону их значения в плане последствий: так, указание Фирса в «Вишнёвом саде» на несчастье, предвестником которого стали крик совы и гудение самовара, соотносится не только с указанием в «Сказке о несчастных сказочных персонажах» на то, что сразу после того, как «На душе тоскливо стало // У Ивана-дурака», «...начались его подвиги напрасные, // С баб-ягами никчемущая борьба», но и с мотивом из заглавия песни, мотивом, не раз и в самой песне повторенным даже лексически, — тем самым мотивом несчастья, ведь все персонажи песни Высоцкого несчастны: несчастно чудище, охраняющее царицу, Кошей — «несчастный старикашка», «по-своему несчастный» Иван, «по-своему несчастная» «лесная гольтьба» — бабы-яги, ведьмочки, «по-своему несчастная» узица-царица. Таким образом, песня, где заглавный мотив несчастья оказывается ключевым, сближается с эпизодом из «Вишнёвого сада», где в реплике Фирса возникает слово «несчастье», несчастье, как характеристика того, что могут предвещать крик совы и гудение самовара.

Однако непосредственно строфа из песни Высоцкого, содержащая указания на выпь и филина, сближается с эпизодом с лопнувшей струной из пьесы Чехова прежде всего в плане реакции персонажей на услышанный звук: то, что у Ивана «на душе тоскливо стало», близко к тому, о чём говорит Раневская: «Неприятно почему-то». Согласимся, что оба эти состояния относительно друг друга синонимичны, а значит, и персонажи — песенный и драматургический — могут быть сближены и соотнесены в плане характеристики и в смысловом плане: услышанный звук в обоих случаях способствует изменению состояния души в негативную сторону. В итоге в обоих произведениях состояние персонажей, вызванное услышанными звуками, отнюдь не точно атрибутированными, но в обоих случаях имеющими с некоторых позиций орнитологическое происхождение, формирует систему с уже упомянутым мотивом несчастья, а это уже и сами произведения — пьесу Чехова и песню Высоцкого — позволяет связать в систему друг с другом.

Тогда можно заключить, что через систему, в которой взаимодействуют мотив несчастья (реплика Фирса у Чехова и развёрнутая в остальной текст часть заглавия у Высоцкого) и реакция персонажей (Раневской и Ивана-дурака) на звук из внешнего мира, звук, который так или иначе соотносится с криками птиц, оба текста — «Вишнёвый сад» и «Сказка о несчастных сказочных персонажах» — в смысловом плане взаимообогащаются. Каким образом? К примеру, можно сказать, что песня Высоцкого, будучи в сущности

пародийной и в этой связи ироничной по отношению к сюжетам и персонажам народных сказок (как и большинство песен-сказок Высоцкого), через проекцию на неё пьесы Чехова в какой-то степени драматизируется, становится более серьёзной; и тогда над несчастными сказочными персонажами уже не столько смеёшься, сколько начинаешь сопереживать их несчастьям. Если же брать смысловую проекцию песни Высоцкого на пьесу Чехову, то тут можно говорить об эффекте обратного свойства: драматический в плане настроения момент со звуком лопнувшей струны через птичий крик, услышанный Иваном, становится в немалой степени комическим, ироничным, актуализируя тем самым знаменитый и загадочный жанровый подзаголовок «Вишнёвого сада».

В завершении же напомним только, что в Театре на Таганке Высоцкий в спектакле Анатолия Эфроса по последней пьесе Чехова играл одного из участников эпизода со звуком лопнувшей струны — Ермолая Лопухина; только случилось это уже сильно после создания «Сказки о несчастных сказочных персонажах» — премьеры спектакля состоялась в 1975-м году. Впрочем, знакомство Высоцкого с «Вишнёвым садом» должно было произойти гораздо раньше — в школьные или в студенческие годы поэта, а потому чеховские цапля и филин могли стать в песне выпью и филином, нагнавшими тоску на Ивана-дурака, вполне с позиции автора осознанно.

Источники

Высоцкий В. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1. 639 с.
Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1975. Т. 13. 528 с.

Список литературы / References

- Бушканец Л.Е. Чеховские звуки в культуре XX—XXI веков // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 6 (18). URL: <https://portal.novsu.ru/file/1483207> (дата обращения 17.04.2024).
(Bushkanets L.E. Chekhov's sounds in the culture of the XX—XXI centuries, *Scientific notes of the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise*, 2018, no. 6 (18) — In Russ.)
- Виноградова М.С. Лингвоконцептология литературно-художественного текста: постановка проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. Октябрь. С. 7—9.
(Vinogradova M.S. Linguoconceptology of literary and artistic text: Statement of the problem *Bulletin of Tomsk State University*, 2007, no. 303, October, pp. 7—9. — In Russ.)
- Гончарова Н.Н. Образ прохожего в «Вишнёвом саду» А.П. Чехова: литературный, житийный и библейский аспекты // Вестник ЮУрГУ. Серия Лингвистика. 2021. Т. 18, № 4. С. 11—17.
(Goncharova N.N. The image of a passerby in A.P. Chekhov's "The Cherry Orchard": literary, hagiographic and biblical aspects, *Bulletin of SUSU. Series: Linguistics*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 11—17. — In Russ.)
- «Звук лопнувшей струны»: перечитывая «Вишнёвый сад» А.П. Чехова: сборник научных работ / науч. ред. А.Г. Головачевой. Симферополь: Доля, 2006. 135 с.
(“The Sound of a Broken String”: rereading “The Cherry Orchard” by A.P. Chekhov: a collection of scientific works, ed. by A.G. Golovacheva, Simferopol, 2006. — In Russ.)
- Кондратьева В.В. Комедия А.П. Чехова «Вишневый Сад»: к вопросу об интерпретации чеховской пьесы в фильме Сергея Овчарова «Сад» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2017. № 7 (120). С. 146—150.

- (Kondratyeva V.V. Comedy by A.P. Chekhov “The Cherry Orchard”: on the question of the interpretation of Chekhov’s play in Sergei Ovcharov’s film “The Orchard”, *News of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*, 2017, no. 7 (120), pp. 146—150. — In Russ.)
- Кузичева А.П. Отзвук «лопнувшей струны» в поэзии «серебряного века» // Чеховиана: Чехов и «серебряный век». Москва: Наука, 1996. С. 138—150.
- (Kuzicheva A.P. The echo of the “broken string” in the poetry of the “Silver Age”, *Chekhoviana: Chekhov and the “Silver Age”*, Moscow, 1996, pp. 138—150. — In Russ.)
- Пак Хён Сон. О звуках в «Вишнёвом саде» А.П. Чехова // Известия Восточного института. 1996. № 3. С. 272—283.
- (Park Hyun Seong. About the sounds in “The Cherry Orchard” by A.P. Chekhov, *News of the Eastern Institute*, 1996, no. 3, pp. 272—283. — In Russ.)
- Панамарева А.Н. Звуковой образ мира в комедии А.П. Чехова «Вишневый сад» // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 60—67.
- (Panamareva A.N. The sound image of the world in the comedy of A.P. Chekhov’s “The Cherry Orchard”, *Siberian Philological Journal*, 2010, no. 4, pp. 60—67. — In Russ.)
- Пенькова М.А. Игры звука и беззвучья в пьесе А. П. Чехова «Вишнёвый сад» // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2023. № 39. С. 110—119.
- (Penkova M.A. Games of sound and silence in A. P. Chekhov’s play “The Cherry Orchard”, *Paradigm: philosophical and cultural almanac*, 2023, no. 39, pp. 110—119. — In Russ.)
- Чеховиана: «Звук лопнувшей струны»: к 100-летию пьесы «Вишневый сад» / отв. ред. В.В. Гульченко. М.: Наука, 2005. 594 с.
- (Chekhoviana: “The Sound of a Broken String”: on the 100th anniversary of the play “The Cherry Orchard”, ed. by V.V. Gulchenko, Moscow, 2005, 594 p. — In Russ.)

ECHO OF A BROKEN STRING FROM CHEKHOV'S “THE CHERRY ORCHARD” IN VLADIMIR VYSOTSKY'S “THE TALE OF THE UNHAPPY FAIRY-TALE CHARACTERS”

Yuri V. Domanskii

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
domanskii@yandex.ru

Abstract. The article correlates an episode from the second act of A.P.’s comedy containing a remark indicating the sound of a breaking string. Chekhov’s “The Cherry Orchard” and a fragment from the song by V.S. Vysotsky “The Tale of Unfortunate Fairy-Tale Characters.” The basis for the correlation is the mention of birds: in Chekhov it is a heron and an eagle owl, in Vysotsky it is a bittern and also an eagle owl. In “The Cherry Orchard,” the characters, in the sound of a breaking string precisely indicated in the stage directions, heard completely different sounds, among the sources of which were just a heron and an eagle owl. In Vysotsky’s song, the sounds made either by a bittern or an eagle owl turned out to be either the reason that Ivan the Fool felt sad in his soul, or a sign of this state. The similarity of the two episodes from the two works, therefore, turned out to be due not only to the indication of the same names of birds (a bittern is a type of heron), but also to the similarity of the characters’ states in their reaction to these sounds. Among other things, the main motif of misfortune for Vysotsky’s song is considered in projection on the mention of misfortune by Firs in the episode with the broken string in Chekhov. As a result, it is shown that the correlation of the two episodes contributed to the semantic mutual enrichment of the two texts: in Vysotsky’s parody-ironic song the dramatic mood was actualized, and in Chekhov’s play the comic plan, mysteriously stated by the genre subtitle, was actualized.

Keywords: “The Cherry Orchard”, A.P. Chekhov, “The Tale of Unfortunate Fairy-Tale Characters”, V.S. Vysotsky, the sound of a broken string

For citation: Domanskii Yu.V. Echo of a broken string from Chekhov's “The cherry orchard” in Vladimir Vysotsky's “The tale of the unhappy fairy-tale characters”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 5—12.

Статья поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Доманский Юрий Викторович — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, domanskii@yandex.ru

Domanskii Yuri Victorovich — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, domanskii@yandex.ru